

Данная книга является художественным произведением. Имена, фамилии, действующие лица и описываемые события являются плодом авторского воображения. Любое сходство с реальными лицами, как ныне живущими, так и усопшими, событиями или местами является случайным.

*Посвящается Эмбер, Эстер, Джему,
Джонатану, Кери, Люку, Патриции,
Сату и Стиву*

Пролог

6:44 утра. Гринвичский пирс, отлив. Максвелл Томас гуляет с собакой по берегу реки. Он не ждет, что найдет части человеческого тела. Он идет по серой глине, мокрой гальке, осколкам стекла, обходя куски дерева и выброшенные автомобильные шины. Он спускает свою собаку Петру с поводка и замечает, как солнечный луч отражается от какой-то валяющейся на земле вещицы. Он наклоняется и аккуратно ее поднимает. Вчера ему повезло найти средневековую булавку и римскую монету времен Диоклетиана. Сегодня это всего-навсего несколько звеньев цепочки от пробки для ванны. Максвелл разочарован. Он выпрямляется и видит, как его собака что-то обнюхивает в грязи. Стоит конец лета. Жара пока не спадает, и температура воздуха постепенно поднимается. Максвелл идет дальше, стирая со лба капли пота. Его футболка прилипает к складкам жира у него на животе. Он добирается до собаки в 6:48 и смотрит, что привлекло ее внимание.

— Черт меня подери!

Он оттягивает собаку назад за ошейник. В теле ощущается прилив адреналина, в ушах отдаются удары сердца. Он чувствовал то же самое, когда вчера обнаружил старинную римскую монету. Любопытство и возбуждение. Но они быстро уходят. Теперь его переполняют отвращение и страх, к горлу поднимается тошнота. Его рука дрожит, когда он достает из кармана мобильный телефон. Телефон выскальзывает и падает на мокрую гальку. Максвелл вытирает экран о джинсы, проверяет камеру и делает снимок отрубленной руки.

Примерно в полутора километрах от него профессор археологии Хизер Росицки наблюдает за работой студентов-второкурсников, завершающих свое выездное занятие на месте старой Дептфордской верфи. Хизер прислоняется к стене, огораживающей берег, смотрит на часы и вздыхает. Прилив начнется только через четыре часа, но ей уже хочется уйти отсюда и вернуться в свой кабинет. Ей нужно закончить финальный вариант книги о раскопках на Темзе в Лондоне до того, как издатель выполнит свое обещание и ее убьет. Она уже два раза сорвала сроки и потратила выплаченный аванс.

Тишину нарушает крик, и Хизер видит, как одна из студенток, Шуи, бежит к ней. Остальные студенты отступают от покрытых мхом скал, когда Хизер подбегает к Шуи, которая зацепилась носком за кусок дерева и упала.

— Что случилось? — спрашивает Хизер.

Шуи трясет головой и начинает плакать, пока Хизер помогает ей подняться на ноги. Студенты одновременно громко что-то говорят, приближаясь к Хизер. Кто-то хватается за руку и тянет к разваливающимся ступеням причала. Хизер чувствует, как крик вырывается из ее горла, когда она смотрит вниз на грязную, мутную воду и видит туловище без головы и конечностей, плавающее среди черных и зеленоватых корявых кусков дерева.

Кристиан Матей, сборщик кухонной мебели, идет по направлению к Нельсон-мьюз, последнему тупиковому переулку, отходящему от Уотергейт-стрит в Дептфорде. До реки отсюда недалеко. Ему кажется, что он слышит женский крик, но затем его отвлекает чья-то паршивая игра на трубе. Он приближается к дому номер пятнадцать, открывает ворота и бросает пустой стаканчик из-под кофе в мусорный контейнер, который стоит на подъездной дороге.

— Проклятье, — произносит Кристиан на своем родном албанском языке, когда стаканчик ударяется о край контейнера и падает на землю. Когда он наклоняется, чтобы поднять стаканчик, что-то привлекает его внимание. Примерно в полуметре от него большая стая мух кружит вокруг валяющегося на земле предмета. Кофе вместе с желудочным соком поднимается вверх по пищеводу и выходит у Кристиана изо рта. Рвотные массы попадают на мух, облепивших уже разлагающуюся отрезанную человеческую ногу.

Глава 1

Главное было сохранять спокойствие. Не дать ему увидеть, что он ее почти довел. Опять.

— Роб, у меня нет на это времени. Я опоздаю на работу, — сказала Хенли, схватив с тумбочки ключи от машины.

— Вот в этом-то и проблема. У тебя никогда...

Звук захлопывающейся входной двери заглушил остаток его фразы, но она и так его знала.

«У тебя никогда нет времени. Работа у тебя всегда на первом месте».

Инспектор сыскной полиции Анжелика Хенли обернулась и посмотрела на их дом, втиснутый между двумя другими. Входную дверь они недавно покрасили в голубой. Хенли уже не в первый раз задумалась о том, почему чувствует себя более счастливой, когда имеет дело с насильниками и убийцами, а не с собственным мужем. Она посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Хенли так быстро убежала из дома, что у нее просто не было времени замазать небольшой шрам на правой щеке и темные круги под глазами. Она включила радио «Би-би-си Лондон», чтобы узнать, где сейчас самые большие пробки, но голос диктора прервал телефонный звонок. На экране высветилось: «СТИВЕН ПЕЛЛАЧА».

— Ты где? — спросил он вместо приветствия.

— И тебе доброго утра. На Дептфорд-бродвей. Буду минут через десять, — ответила Хенли.

— Не заезжай в отдел. Мне нужно, чтобы ты кое-куда отправилась. На дальний конец Уотергейт-стрит.

— На Уотергейт-стрит? Зачем?

— У нас новое дело. Там в нескольких местах разбросаны части тела. Пока еще рано говорить, принадлежат ли они одному человеку или нескольким. Рамоутер уже на пути туда. Он встретит тебя там.

Хенли резко надавила на тормоз, когда у нее перед лобовым стеклом внезапно возник мопед, встроившийся в ряд машин. Хенли сразу почувствовала напряжение, мгновенно сковавшее ее тело, будто кто-то нажал на кнопку.

— В смысле — ты послал Рамоутера? — Она пыталась сдерживать злость, но ее голос так и сочился гневом. — Почему ты думаешь, что я...

Пеллача ее проигнорировал.

— Я сейчас скину информацию и координаты тебе на почту.

Хенли с силой ударила ладонью по рулю. Последнее, что ей сейчас было нужно, — это полный энтузиазма неопытный следователь, ходящий за ней по пятам.

Уотергейт-стрит, расположенная совсем рядом с вечно забитой машинами Крик-роуд, обычно была тихой и безлюдной, но сегодня в 7:40 утра все двери на ней были открыты, а жители собрались перед своими домами, гадая, почему столько полицейских машин примчалось на их улицу. Нависающие над ней ветки вишневых деревьев отбрасывали холодные, сумрачные тени, несмотря на палящее солнце. Хенли припарковала машину напротив паба «Адмирал», всего в нескольких метрах от полицейского кордона, где уже собралась небольшая толпа.

Стажер, констебль Салим Рамоутер, стоял с другой стороны натянутой ленты ограждения, на небольшом расстоянии от собравшейся толпы. Он был одет в темно-синий костюм, белую рубашку с галстуком, а еще Хенли обратила внимание на его начищенные до блеска черные ботинки. Он только что присоединился к их подразделению, хотя уже давно пришел в полицию. Однако он все еще выглядел «новичком», который пока по-настоящему не столкнулся с реальностью лондонских улиц. Но это с ним быстро произойдет, если он решил работать детективом в этом городе.

Пеллача сказал Хенли, что за стажировку Рамоутера будет отвечать сержант Пол Стэнфорд. Именно Стэнфорд должен был ему показывать, как вести дела, а не она. Когда Пеллача представлял Рамоутера, сама Хенли обновляла данные в Информационной системе криминальных отчетов — ИСКО, вводила данные по другому делу. Теперь Рамоутер показался ей выше, чем при первой встрече, — почти сто восемьдесят сантиметров. Он носил бородку, и Хенли подумала, что он, наверное, ее отрастил, чтобы казаться старше.

Рамоутер не знал, куда деть руки, — то скрещивал их на груди, то опускал и в конце концов свел их у себя за спиной. Хенли совсем не нравилось, что он выглядит таким неподготовленным и одновременно полным энтузиазма, хотя и сама она не выглядела особо внушительно. На ней были джинсы, кроссовки, футболка с принтом из комикса «Чудо-женщина» и блейзер, который уже неделю валялся в машине на заднем сиденье. В таком виде лучше сидеть в кабинете, а не выступать в роли старшего следователя на месте преступления.

— Доброе утро, инспектор, — Рамоутер протянул руку. Хенли это проигнорировала.

— А где сержант Стэнфорд? — спросила Хенли, показывая свое удостоверение полицейскому в форме, который приподнял для нее ленту ограждения.

— Точно не знаю. Мне велели встретить вас здесь и сообщить, что констебль Иствуд находится на пути к Гринвичскому пирсу вместе с патрульными и криминалистами, — ответил Рамоутер, убирая руку и следуя за Хенли.

Они ненадолго остановились перед домом номер пятнадцать по Нельсон-мьюз. Двое сотрудников отдела криминалистики в синих защитных комбинезонах уже сидели там на корточках, собирая улики. Третий что-то фотографировал на подъездной дороге.

— Ты понимаешь, куда мы идем? — спросила Хенли, когда Рамоутер уже положил руку на створку ворот.

— Да, нам нужно допросить мистера Матея. Правильно?

— Правильно. А после того, как мы с ним закончим, попроси бахилы у кого-нибудь из криминалистов, чтобы по лестнице спускаться уже в них.

От дома номер пятнадцать по Нельсон-мьюз до лестницы Уотергейт-степ было совсем недалеко. Дорога там сужалась, превращаясь в мощеную узкую тропинку. Они шли пешком вдоль муниципального парка. На его краю стояла молодая китаянка с женщиной постарше и разговаривала с полицейским.

— Это Хизер Росицки, — сообщил Рамоутер. — Она нашла...

— Я знаю, что она нашла.

Когда они пошли по переулку, запах реки стал сильнее — затхлая вода из канализации, смешанная с машинным маслом. Хенли слышала, как вода накатывает на покрытый галькой берег. Большая открытая терраса окаймляла стоявший здесь комплекс «Бортвик-Воф», в котором апартаменты с видом на реку соседствовали с торговыми площадями. Он был переоборудован из мясоперерабатывающего завода с огромными холодильными установками и хранилищами.

Энтони Томас, начальник отдела криминалистики, вышел на террасу, натягивая латексные перчатки пурпурного цвета. Хенли ему полностью доверяла: он не пустит никого лишнего на место преступления. Он очень щепетильно относился к работе, отличался требовательностью, но, самое главное, был предан делу.

Хенли не работала с Энтони на местах преступлений целых два года. Из скрытых уголков сознания всплыло воспоминание, туманный образ: Энтони заводит ее в какое-то помещение, где на полу расстелена большая клеенка, и ставит на нее. В помещении работает кондиционер, очень холодно, и руки Хенли покрываются мурашками. Она почти не слышала слов, которые говорил Энтони, пока собирал материал у нее из-под ногтей и расчесывал волосы, ожидая, что какие-то улики упадут прямо ей под ноги. Она чувствовала себя голой и абсолютно незащищенной, пока врач осматривал ее и фиксировал порезы и синяки в карточке. Осознание того, что она сама стала мишенью преступника, жгло ее сильнее, чем рана от удара ножом в живот. Ее учили быть детективом, а не жертвой.

— Не ожидал, что ты, так сказать, выйдешь в свет, — признался Энтони. — Значит, собираешься сама взглянуть?

— Похоже на то, — кивнула Хенли. Она была рада, что Энтони спокойно воспринял ее появление на месте преступления впервые за два года.

— Отлично, будем работать как в старые добрые времена. — Энтони достал несколько пар голубых бахил из коробки, стоявшей у его ног, и вручил их Хенли. — А кто это с тобой?

Хенли представила мужчин друг другу.

— А, новенький. У меня тоже пополнение. — Энтони кивнул на молодого человека, который неподвижно стоял у него за спиной с фотоаппаратом. Он уже облачился в синий комбинезон и застегнул молнию. Его глаза судорожно перескакивал с Хенли на Энтони. — Забавно, правда? — Энтони тяжело вздохнул. — Увидимся на месте.

— Пошли, — бросила Хенли Рамоутеру. — Посмотрим, с чем нам предстоит иметь дело.

Хенли смотрела на покрытый татуировками торс, который торчал из грязных и мутных вод Темзы как минимум на полтора метра. Голову отрезали, оставив небольшую часть шеи, ноги отсекали в районе бедра. Капли воды блестели на белой коже. Эту часть человеческого тела специально поставили между покрытыми мхом ступеньками и гниющими, частично сломанными досками, которые когда-то составляли часть причала. Наверняка Хенли могла сказать только, что это был белый мужчина, который, судя по татуировкам, увлекался японскими комиксами «Манга», ноги ему отрезали в районе бедренной кости, а руки — по бицепсам. Отделяли их грубо, неаккуратно, ни о какой хирургической точности, как в случае с отпиленными частями тела, которые Хенли видела несколько лет назад, говорить не приходилось. Ее просто парализовало на месте, когда она впервые увидела отрезанные руки, ноги, голову и торс, брошенные под железнодорожным мостом в Льюишеме¹. С тех пор она стала жестче и научилась держать себя в руках.

¹ Льюишем — спальный район на юго-востоке Лондона. — *Здесь и далее прим. перев.*